

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...
Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker

• ВСЕ • РАССЛЕДОВАНИЯ • НИРО • ВУЛФА •

РЕКС
СТАУТ

Погоня
за отцом

« И Н О С Т Р А Н К А »

Ниро Вульф

Рекс Стаут

Погоня за отцом

«Азбука-Аттикус»

1968

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стаут Р. Т.

Погоня за отцом / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус»,
1968 — (Ниро Вульф)

ISBN 978-5-389-22730-9

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. Эми Деново просит Вулфа найти ее отца, которого она никогда не знала и от которого после смерти матери получила в наследство четверть миллиона долларов наличными. Вулф берется за дело, а заодно находит и убийцу матери...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-22730-9

© Стаут Р. Т., 1968
© Азбука-Аттикус, 1968

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Рекс Стаут

Погоня за отцом

© А. В. Санин, перевод, 1993, 1994

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

Глава 1

Обычно такое случается раз или два в неделю. Мы с Лили Роуэн, возвращаясь из театра, с вечеринки или с хоккейного матча, выходим из лифта и останавливаемся перед дверью ее пентхауса на крыше многоквартирного дома на Шестьдесят третьей улице между Мэдисон-авеню и Парк-авеню. Вот тут-то и возникает главный вопрос. Я спрашиваю себя: следует мне открыть дверь самому или уступить это право Лили? Лили тоже размышляет: открыть дверь самой или позволить мне? Мы никогда не обсуждали эту проблему, тем более что решается она всегда одинаково. Лили вынимает свой ключ и улыбается, словно желает сказать: да, мол, я знаю, что ключ у тебя есть, но дверь-то моя! И я улыбаюсь в ответ. У нас принято считать, что мой ключ лучше использовать в иных ситуациях, которые возникают не очень часто.

В тот августовский четверг мы с Лили отправились на стадион Ши, чтобы посмотреть, как «Метс» посрамят «Джайентс», разгромив их со счетом 8:3. Было только двадцать минут шестого, когда Лили открыла дверь своим ключом. Войдя, она окликнула горничную Мими, известив ее о нашем приходе, и отправилась в ванную, а я прошел к бару в углу огромной гостиной, застланной кашанским ковром размером девятнадцать футов на тридцать четыре, за джином, тоником, ведерком со льдом и стаканами. Когда я вышел на террасу с подносом, Лили уже сидела там за столиком под навесом, изучая оценочную карточку команды, которую я сохранил.

– Ну и молодчага этот Харрельсон, – сказала она, когда я поставил поднос на столик. – Целых пять очков добыл. Будь он здесь, я бы обняла его и расцеловала.

– Тогда я рад, что его здесь нет! – ухмыльнулся я. – Ты бы бедняге все ребра переломала.

Из гостиной донесся голос:

– Мисс Роуэн, я ухожу.

Мы повернули голову. Девушка, стоявшая в проеме дверей, появилась в пентхаусе Лили недавно. Я видел ее всего два раза, хотя смотреть на нее было довольно приятно: приличная фигурка, все на месте, рост примерно пять футов и четыре дюйма, гладкая смуглая кожа и смышленные карие глаза. Волосы каштановые, перехваченные на затылке резинкой. Звали девушку Эми Деново. В июне она получила диплом об окончании колледжа Смит. Десять дней назад Лили за сто долларов в неделю наняла Эми, чтобы та помогла подготовить материалы для книги о покойном отце Лили. Он нажил огромное состояние, прокладывая канализацию и водопроводы, и оставил дочке наследство, которого запросто хватило бы на то, чтобы содержать дюжину подобных апартаментов. Кому доверить сочинительство книги – Лили еще не решила.

Ответив на пару вопросов, Эми ушла, а мы с Лили поговорили о бейсболе, в основном о том, что есть у «Метс», если вообще у них что-то есть, кроме Томми Дэвиса, Бада Харрельсона и Тома Сивера, что они могли бы иметь, если бы мы прожили достаточно долго. Потягивая коктейли, мы скоротали время до шести часов, после чего я собрался уйти. У Лили оставалось еще достаточно времени, чтобы переодеться к званому обеду, на котором приглашенные всерьез собирались облегчить положение неимущих, произнося пылкие речи об уничтожении гетто. У меня на вечер тоже была назначена встреча, на которой я также всерьез намеревался облегчить бумажники кое-кого из своих друзей с помощью удачно прикупленного туза или валета.

Однако внизу в вестибюле меня перехватили. Швейцар Альберт уже собирался распахнуть передо мной дверь, когда кто-то произнес мое имя. Обернувшись, я увидел Эми Деново, которая поднялась со стула и подошла ко мне. Девушка робко, но очень мило улыбнулась и спросила:

– Не могли бы вы уделить мне несколько минут? Я хочу кое-что вам сказать.

– Конечно выкладывайте, – ответил я.

Эми Деново посмотрела на Альберта, и он понял намек и вышел на улицу. Я предложил присесть, и мы подошли к скамейке у стены, когда входная дверь открылась. Вошедшие, мужчина и женщина, неспешно прошествовали к лифту и остановились.

– Здесь довольнолюдно, – сказала Эми Деново. – Я просила у вас несколько минут, но, возможно... это займет больше времени. Ничего? И потом... Это дело очень личное... В том смысле, что оно касается меня.

Только сейчас я заметил ямочки на ее щеках. На смуглой коже они смотрятся даже симпатичнее, чем на светлой.

– Вам двадцать два года, – заявил я, и Эми кивнула. – Тогда нам хватит и одной минуты. Итак: сейчас ни в коем случае за него не выходите – вы еще слишком молоды. Потерпите хотя бы годик, а потом...

– О, дело вовсе не в этом! Мое дело *очень* личное.

– А по-вашему, замужество не личное? Даже чересчур личное – вот в чем беда. Если ваше дело займет не несколько минут, а несколько часов, то на восемь у меня назначена встреча. Тем не менее я знаю тут за углом одно местечко, где подают коктейли и готовят вкуснейшие сэндвичи с яйцом и анчоусами. Вы любите анчоусы?

– Очень.

Вновь открылась дверь, пропустив двух женщин, которые решительно двинулись к лифту. Да, для личной беседы место было и впрямь неподходящее.

Идти рядом с Эми было одно удовольствие: она не отставала и не забегала вперед, не шаркала и не семенила. В это время дня в августе в «Кулере» было немногочисленно, и мы заняли угловой столик, за которым я с Лили частенько перекусывал. Когда официантка приняла у нас заказ и удалилась, я поинтересовался у Эми, не стоит ли отложить разговор о личном деле, пока мы не заморим червячка.

– Нет, я не могу... – покачала она головой, помолчала секунд десять, потом вдруг выпалила: – Я хочу, чтобы вы разыскали моего отца!

Я приподнял бровь:

– Вы его потеряли?

– Нет, дело в том, что его у меня никогда и не было. – Эми быстро-быстро протараторила эти слова, словно боясь, что ее оборвут. – Я решила, что должна кому-нибудь рассказать об этом, еще месяц назад, а потом, когда мисс Роуэн поручила мне эту работу, я узнала, что она с вами знакома, и вот тогда... Я-то давно уже слышала про вас и про Ниро Вулфа. Но я не хочу, чтобы этим занимался Ниро Вулф. Я бы хотела, чтобы именно вы мне помогли.

Ямочки уже не появлялись, а карие глаза пристально смотрели на меня.

– Увы, ничего не выйдет, – сказал я. – Двадцать четыре часа в сутки и, если требуется, семь дней в неделю я вкалываю на Ниро Вулфа и не могу заниматься своими делами. Хотя, как ни странно, именно сейчас у меня выдался свободный час... – я кинул взгляд на часы, – и еще двадцать минут, так что если вам нужен совет, то я готов помочь. Бесплатно.

– Но мне нужно больше чем совет, – возразила Эми.

– Вам трудно судить, ведь вас это дело касается лично.

– Еще как касается! – Карие глаза буравили меня насквозь. – К тому же я никому не могу сказать, кроме вас. Никому! Когда на прошлой неделе я впервые увидела вас, то сразу поняла, что вы единственный человек в мире, которому я могу довериться. Мне никогда прежде не приходилось испытывать подобное по отношению к любому мужчине... или к женщине.

– Очень трогательно, – произнес я. – Но только я не падоk на лесть. Значит, говорите, отца у вас не было?

Глаза Эми метнулись в сторону официантки, которая принесла нам коктейли и сэндвичи. Когда нас обслужили и мы вновь остались вдвоем, Эми попыталась улыбнуться:

– Я так выразилась, конечно, в переносном смысле. – Она понизила голос, и мне пришлось напрячь слух. – Я никогда его не видела и не знала, кто он такой. И сейчас не знаю. Не знаю даже, каково мое настоящее имя. И никто этого не знает – никто! Вот в чем дело. Мне кажется, что Деново – не настоящая фамилия моей матери. Думаю, моя мать вообще не была замужем. Вам известно, что означает Деново? Это два латинских слова: de novo.

– Что-то новое. Нова, например, – это новая звезда.

– Это означает «заново», «снова» или «сызнова». Моя мать как бы начала жизнь заново, сызнова, вот и взяла себе фамилию Деново. Жаль, что я не знаю этого наверняка.

– А вы ее спрашивали?

– Нет. Хотела и даже собиралась, но опоздала. Она умерла.

– Когда?

– В мае. Всего за две недели до того, как я окончила колледж. Ее сбила машина. Водитель скрылся.

– Его нашли?

– Нет. Но говорят, что до сих пор ищут.

– А родственники у вас есть? Сестра, брат...

– Нет, никого больше нет, – вздохнула Эми.

– Так не бывает. У всех есть родственники.

– Нет. Совсем никого. Хотя, конечно, кто-то может носить настоящую фамилию моей матери.

– А двоюродные братья и сестры, дяди, тети...

– Нет.

Да, дельце становилось довольно запутанным. Или, напротив, предельно простым. Я знал немало людей, которые предпочитали считать себя одинокими, но вот Эми Деново, похоже, и в самом деле была на этом свете совсем одна. Одна-одинешенька. Я предложил ей попробовать сэндвич, она согласилась и откусила кусочек. Обычно, когда я сижу с кем-нибудь за одним столом, то подмечаю какие-то характерные для этого человека мелочи и особенности, поскольку такое наблюдение позволяет лучше узнать его, но сейчас я позволил себе расслабиться, поскольку то, как Эми кусала сэндвич, жевала, глотала или облизывала губы, не имело ни малейшего отношения к ее делу. Впрочем, я все-таки подметил, что отсутствием аппетита девушка не страдала, что она и доказала, уписав за обе щеки свою порцию. Покончив с едой, Эми осведомилась, входят ли такие сэндвичи в число излюбленных блюд Ниро Вулфа, и, похоже, была несколько разочарована, когда я ответил, что нет, не входят. Когда тарелка опустела, Эми призналась: оказывается, она и сама не ожидала, что так проголодается, наконец поделившись со мной столь долго вынашиваемой тайной. Потом она чуть заметно улыбнулась (ах, эти ямочки!) и добавила:

– Как все-таки плохо мы сами себя знаем.

– И да и нет, – глубокомысленно изрек я. – Некоторые из нас знают себя даже слишком хорошо, а вот другие – совершенно недостаточно. Я, например, совсем не желаю знать, почему, вставая по утрам, блуждаю в тумане, как сомнамбула. Если же я стану ломать над этим голову, то, возможно, вообще навсегда лишусь сна. Впрочем, лично я всегда сумею выбраться из любого тумана. Что же касается вас, то вы не в тумане. Напротив, вы под лучами прожектора, который сами на себя наставили. Но что вам мешает самой же и отключить его?

– Это вовсе не я. Прожектор включили другие люди, в первую очередь – моя мать. Я ничего не могу с ним поделать.

– Ну хорошо. Тогда что вас больше всего заботит? Подлинная фамилия вашей матери? Или отца?

– Конечно отца. В конце концов, с матерью я прожила вместе всю жизнь, так что мое желание выяснить ее настоящую фамилию объясняется простым любопытством. Вот отец – другое дело. Жив ли он? Кто он? Что он собой представляет? Я же унаследовала его гены!

– Да, ведь вы окончили колледж Смит, – серьезно кивнул я. – Там, должно быть, много рассказывали про гены. Мистер Вулф как-то раз высказал мысль, что ученым вообще следовало бы умалчивать о своих открытиях: делясь ими, они порой усложняют людям жизнь. Кофе не желаете?

– Нет, спасибо.

– Здесь замечательная выпечка.

Эми помотала головой:

– Признаться честно, я готова проглотить все, что угодно – даже не знаю, что это вдруг на меня нашло, – но все же воздержусь. А вы?.. Вы сказали, что готовы дать мне совет.

– Да. – Я положил руку на стол. – Дело у вас и впрямь заковыристое. Одним советом тут не обойдешься, даже если он исходит от человека, которому вы доверяете. Так вот, у вас есть примерно один шанс из миллиона, что через неделю кропотливого и добросовестного труда предпринятые мной поиски могут увенчаться успехом, однако с наибольшей вероятностью можно предсказать, что работа затянется надолго и влетит вам в копейку. Сколько у вас денег?

– Немного. Но я, конечно, заплачу вам.

– Не мне. Я уже объяснил, как обстоят дела. А у Ниро Вулфа гипертрофированные представления о размерах гонорара, вот почему мне нужно точно знать, какими средствами вы располагаете. Если вы не против, конечно.

– Нет, я не против. У меня никогда не было особых сбережений. Я тратила все, что зарабатывала. У меня есть только то, что я получила в наследство от мамы, за вычетом расходов на... кремацию. Мама оставила особое распоряжение на этот счет. В банке у меня немногим больше двух тысяч, вот и все. Но долгов никаких нет, хотя и мне никто не должен.

Я приподнял бровь:

– А чем занималась ваша мама?.. Впрочем, это не имеет значения. Ясно, что зарабатывала она достаточно, коль скоро послала вас в дорогой колледж. Или кто-то ей помогал?

– Нет, она сама справлялась. И все-таки вас интересует, как она зарабатывала на жизнь. Так вот, мама была ассистентом продюсера на телевидении, причем, насколько я помню, это был всегда один и тот же человек. Она зарабатывала тысяч пятнадцать в год, может быть, немного больше. Она мне не рассказывала. – Живые карие глаза вновь вперились в меня. – Если я заплачу Ниро Вулфу две тысячи, он позволит вам заняться этим делом?

Я потряс головой:

– Он даже обсуждать не станет. Он прекрасно понимает, что такая работа может растянуться на целый год, тогда как ему ничего не стоит содрать с какого-нибудь клиента пять тысяч за одну неделю. Должно быть, вы плохо его знаете. Вулф невероятно упрям, чудовищно честолюбив, вздорен и почему-то вбил себе в голову, что он самый непревзойденный и лучший сыщик в мире. Я, впрочем, придерживаюсь того же мнения, в противном случае уже давно сменил бы место работы. Мне кажется, вам нужно помочь. Вы этого заслуживаете, к тому же мне нравятся ямочки у вас на щеках. Если я ни с того ни с сего попрошу Ниро Вулфа принять вас, он просто одарит меня свирепым взглядом, и все. Решит, что у меня крыша поехала. Однако у меня есть одна идея, которая, возможно, придется вам по душе. Мисс Роуэн обожает делать добрые дела, денег у нее куры не клюют, так что вы можете...

– Не вздумайте рассказать ей про меня!

– Спокойно! Я вовсе не собираюсь про вас рассказывать. Ни ей, ни кому другому. Я просто подумал, что вы могли бы сами обратиться к ней, и...

– Я ни к кому не стану обращаться!

– Хорошо, я тоже. Как у вас сразу глаза запылали! – Я внимательно посмотрел на нее. – Послушайте, мисс Деново, я умываю руки только потому, что другого выхода нет. Будь я вправе, то с удовольствием взялся бы за это дело не только потому, что оно сулит какие-то неожиданные повороты, но и потому, что мне просто приятно иметь дело с такой очаровательной девушкой. К тому же не исключено, что пришлось бы расследовать дело об убийстве...

Глаза Эми полезли на лоб.

– *Убийстве?*

– Ну да. Правда, пока это совершенно бездоказательно, но очень часто в делах, связанных с наездом, после которого водитель бесследно скрывается, в конце концов выясняется, что произошло преднамеренное убийство. Впрочем, я упомянул это лишь для того, чтобы подчеркнуть еще одну причину, по которой охотно взялся бы сам за ваше дело. Однако у вас нет ни единого шанса заинтересовать своими проблемами мистера Вулфа, вот в чем беда. Очень сочувствую, но, увы, это так.

Эми потрясла головой, не спуская с меня глаз.

– Но, мистер Гудвин, что же мне тогда делать? – (Похоже, мои разглагольствования насчет убийстванисколько ее не обескуражили.) – Положение у меня совершенно безвыходное. Мне даже не с кем поделиться.

Такие вот дела. Скажу сразу: двадцать минут спустя, когда я остановил такси и назвал водителю адрес Сола Пензера, на душе у меня скребли кошки. Конечно, жить вместе и работать на самого выдающегося сыщика в мире – это замечательно, но когда к тебе обращается хорошенькая девушка и говорит, что ты ее единственная надежда – пусть это всего лишь лесть, – а ты вынужден ее отшить, ясно, что настроение после такого отнюдь не рыцарского поступка далеко не безоблачное. Сидя в такси, я усиленно пытался заставить себя думать о перипетиях бейсбольного матча и игре «Метс».

Когда таксист высадил меня на углу Парк-авеню и Тридцать восьмой улицы, было без шести восемь. О том, в какую сторону изменилось после этой встречи благосостояние моих приятелей и мое собственное, я, пожалуй, умолчу. Порой карты оказываются поразительно капризными, сами знаете.

Глава 2

В пятницу у нас все было строго регламентировано. Без четверти десять я вышел из нашего старого особняка из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице, прошагал до ее пересечения с Десятой авеню, завернул за угол, вывел из гаража «херон», которым владеет Вулф, а вожу я, и покатил к Лонг-Айленду за Вулфом. Вот уже три дня он гостил у Льюиса Хьюитта, коллекционера, владевшего десятками тысячами орхидей и двумя колоссальными оранжереями длиной сто футов каждая. Возвращаясь в Манхэттен, Вулф, как обычно, сидел сзади, судорожно вцепившись в изготовленный для него по специальному заказу ремень, потому что, по его словам, ни одному автомобилю нельзя доверять ни на секунду, а я вел машину, старательно избегая ухабов и рывков. Правда, вовсе не из-за Вулфа, поскольку у меня имелась теория, что ему толчки только на пользу, а из-за горшков с орхидеями, которые мы везли в багажнике и которые не были упакованы в ящики, причем среди них были два новых гибрида, полученные скрещиванием *Laelia schroederi* и *Laelia ashworthiana*. Они стоили не меньше двух штук, но важно было то, что ни у кого в мире, кроме Хьюитта, а теперь и Вулфа, их не было. Остановившись перед крыльцом нашего старого особняка из бурого песчаника, я нажал на клаксон. Несколько секунд спустя, как было условлено, вышел Теодор Хорстман, спустился к машине и помог мне сперва перетаскать драгоценные горшки к лифту, а потом и доставить их в оранжерею. Свою сумку Вулф донес сам. На этот счет у меня есть не теория, а правило. Ему нужны упражнения. Когда я наконец спустился в кабинет, Вулф уже устроился за своим столом в единственном кресле, способном выдержать его вес и объем, и просматривал почту. Почти одновременно со мной вошел Фриц и сообщил, что ланч подан.

За столом, как было заведено, деловые вопросы не обсуждались, да у нас, собственно, и дел-то никаких не было, а упоминать Эми Деново с ее просьбой я не собирался. Обычно мы беседовали о чем угодно по выбору Вулфа, но на сей раз разговор начал я. Накладывая себе мясо с серебряного блюда, я заметил, что, по мнению одного моего знакомого, шиш-кебаб куда вкуснее, если готовить его не из ягненка, а из козленка. Вулф тут же заявил, что любое подобное блюдо вкуснее, если готовить его из козленка, но свежее мясо козленка, должным образом разделанного и обработанного, достать в Нью-Йорке практически невозможно.

Потом он переключился с кулинарии на фонетику и сказал, что «шиш-кебаб» – это неправильно. Нужно говорить «сикх-кебаб». И произнес отдельно по буквам. Именно так, оказывается, говорят в Индии, откуда родом это кушанье. На языке хинди или урду «сикх» означает «тонкий железный прут с петлей на конце», а «кебаб» – мясной шарик. Какие-то болваны на Западе изменили произношение на «шиш» вместо «сикх» – им пошло бы только на пользу отведать жесткий, как подметка, сикх-кебаб из дряхлого, доживающего свой век осла, а не из нежной козлятины. Вулф все еще ворчал, вспоминая недобрым словом тех, кто искажает иностранные выражения, когда мы покончили с вкуснейшим десертом, приготовленным Фрицем из малины под кремом из сливок, сахара, яичного желтка, хереса и экстракта миндаля. Наконец мы вернулись в кабинет. Вулф занялся почтой, а я принялся заносить в картотеку новые орхидеи, которые Вулфу удалось выманить у Льюиса Хьюитта.

В четыре часа Вулф протопал к лифту и отправился в оранжерею на второе ежедневное двухчасовое священнодействие в обществе орхидей и Теодора, а я поднялся по лестнице в свою комнату и занялся личными делами: проверил носки и поменял ленту на пишущей машинке. По какой-то неведомой мне причине времени такие дела отнимают больше, чем кажется. Вот почему, услышав звонок в дверь, проведенный и в мою комнату, я кинул взгляд на часы и с удивлением заметил, что уже без двадцати шесть. Дверь открыл Фриц, как заведено у нас, когда я бываю наверху, но пару минут спустя зазвонил мой телефон. Я снял трубку. Фриц сказал,

что молодая женщина по имени Эми Деново хочет поговорить со мной, и я попросил отвести ее в гостиную.

Когда, поднявшись по ступенькам на крыльцо старого особняка из бурого песчаника, вы войдете в просторную прихожую, то вторая дверь слева ведет в кабинет, а первая – в гостиную, которой мы пользуемся довольно редко, в основном для того, чтобы провести туда посетителей, присутствие которых в кабинете нежелательно. В отличие от кабинета и кухни, обставлена гостиная довольно непритязательно, поскольку Вулф почти не заглядывает в нее и ему все равно, как она выглядит.

Я вошел в гостиную и застал Эми Деново сидящей в кресле у окна.

– Вот и я, – сказала она, вставая.

– Вижу. – Я приблизился к ней. – Я, конечно, рад вас видеть и не хочу, чтобы вы сочли меня грубым, но мне казалось, что вчера я объяснил все достаточно ясно.

– О да, я все поняла. – Она попыталась улыбнуться, но улыбка получилась довольно вымученной. – Тем не менее я решила, что должна снова поговорить с вами и... попытаться встретиться с Ниро Вулфом. Поэтому я... Словом, я кое-что сделала.

Под мышкой у Эми была коричневая кожаная сумка с большой застежкой. Девушка снова села, достала из сумки пакет, завернутый в газету и перетянутый резинкой, и протянула его мне, а я, не желая показаться неучтивым, взял его.

– Здесь двадцать тысяч долларов, – сообщила Эми. – В сто долларовых банкнотах. Вы бы сказали, – вот теперь улыбка вышла на славу, – что здесь двадцать штук. Пересчитайте, пожалуйста.

Поскольку у меня не нашлось подходящих слов, я не стал спешить с ответом, а снял резинку, развернул газету и посмотрел на содержимое свертка. Да, передо мной были самые настоящие сотенные бумажки, некоторые новенькие и хрустящие, другие – поблекшие и залапанные. Те, что я повертел в руках, были, похоже, не фальшивыми. Двадцать тоненьких стопок, скрепленных металлическими скрепками, – по десять купюр в стопке. Я снова завернул их в газету и перехватил резинкой.

– По пять штук в неделю, – сказала Эми. – На четыре недели хватит.

Из прихожей послышалось дребезжание лифта. Вулф спустился из оранжереи.

– Пять штук – это только гонорар, – заметил я. – Расходы сюда не входят. Впрочем, порой и такой суммы бывает достаточно. Если я верно понял, то вы хотите нанять Ниро Вулфа и предлагаете эти деньги как аванс?

– Да, совершенно верно. При том условии, что расследование возглавите вы.

– Возглавляет расследование всегда он. На меня возложена только черновая работа.

– Хорошо, но эту работу сделаете вы.

– Конечно. Вулф только ворочает мозгами. Я все ему объясню, потом позову вас. Вы подождете?

Эми Деново нахмурила брови и помотала головой:

– Я не хочу говорить на эту тему ни с кем, кроме вас.

– Тогда ничего не выйдет. Вулф никогда не согласится иметь дело с клиентом, которого он в глаза не видел. Такого никогда прежде не случалось, и он этого не допустит.

Эми плотно сжала губы, чуть помялась, потом сказала:

– Хорошо, я согласна. Будь по-вашему.

– Прекрасно. Вряд ли вы проникнетесь к нему особой симпатией, но доверять можете в той же степени, как и мне. – Я похлопал по свертку. – Не желаете просветить меня на сей счет?

– Нет, мне больше нечего добавить, – ответила она. – Главное, что деньги перед вами.

– Надеюсь, вы добыли их законным путем?

– Разумеется. – Она по-прежнему хмурилась. – Никаких банков я не грабила.

– До тех пор пока Вулф не согласится взяться за ваше дело, деньги останутся в вашем распоряжении. – Я протянул ей сверток. – Возможно, мне хватит пяти минут, но не исключено, что потребуются и полчаса. Если надоест ждать, можете просмотреть журналы на столике.

Я шагнул было к двери, ведущей в кабинет, но передумал и пошел в обход, через прихожую.

Вулф сидел за столом, погрузившись в очередную книгу. Это была «Невероятная победа» Уолтера Лорда. Должно быть, у Хьюитта особо наслаждаться чтением ему не удалось, так что теперь он наверстывал упущенное. Я прошел к своему столу, уселся лицом к Вулфу и принялся терпеливо дожидаться, пока он дочитает до конца абзаца. Наконец Вулф поднял глаза и прорычал:

– Что там?

– Не что, а кто, – поправил я. – В гостиной ожидает девушка по имени Эми Деново. Кажется, я как-то упоминал, что мисс Роуэн собирает материалы для книги о своем отце и наняла в помощницы эту девушку, с которой я познакомился на прошлой неделе. Вчера днем, когда я уходил от мисс Роуэн, она – я имею в виду эту девушку – остановила меня внизу в вестибюле, и мы заскочили в одно местечко отведать сэндвичей с яйцом и анчоусами. Я порекомендовал эти сэндвичи Фрицу, но он не проявил никакого интереса. Мисс Деново обратилась ко мне за помощью, поскольку я единственный человек в мире, которому она доверяет, но я отказался на том основании, что постоянно работаю на вас. Тогда она высказала желание нанять вас, но с условием, что всю работу буду выполнять я. Я сказал, что и так всегда выполняю всю работу. Дальше, естественно, я задал вопрос насчет денег, и она ответила, что на ее счету в банке есть немногим больше двух тысяч, оставшихся от матери, и больше ни цента. Ни каких-либо других средств, ни возможностей. Поскольку дело показалось мне довольно сложным и могло отнять несколько месяцев, я сказал, что ничего не выйдет и я даже не стану докладывать об этом вам. Мне, конечно, было ее жаль, потому что...

– Пф! – пробурчал Вулф. – Почему же ты теперь передумал?

– Позвольте закончить. Так вот, мне было ее жаль, потому что дело показалось довольно любопытным и сложным, к тому же как раз по вашей части. А передумал я потому, что мисс Деново сейчас в гостиной. Она принесла с собой завернутый в газету пакет, в котором лежат двести столларовых бумажек, то есть двадцать тысяч долларов, которые она хочет вручить вам в качестве аванса.

– Откуда у нее деньги?

– Не знаю. Она уверяет, что все законно.

Вулф вложил между страницами золотую закладку – подарок одного клиента – и отложил книгу в сторону.

– О чем именно она тебя вчера попросила? Подробно.

Я этого ожидал. Вулф совершенно ненавидит работу и способен на любые уловки, лишь бы оттянуть тот час, когда придется взяться за дело. Вот и сейчас он явно рассчитывал, что сумеет придрагаться к какому-нибудь пустяку и отказаться. Я доложил. Должен сказать, что я далеко не сразу научился запоминать и дословно излагать содержание любой беседы, но теперь делал это совершенно запросто, даже если в разговоре принимали участие три или четыре собеседника. Вулф, как всегда, сидел, откинувшись на спинку кресла, с закрытыми глазами и не перебивал. Он промолчал даже тогда, когда я дошел до слов: «невероятно упрям, чудовищно честолюбив и вздорен». Я не упустил ничего, за исключением некоторых абсолютно не значащих фраз, которыми мы с Эми обменялись, пока поглощали сэндвичи. Когда я закончил, Вулф еще с минуту сидел с закрытыми глазами, потом открыл их и выпрямился.

– Арчи, на тебя это не похоже. Ты почти ничего не выведal. Буквально не за что зацепиться.

– Естественно. Зачем зря терзать бедную маленькую беззащитную девушку?

Вулф бросил взгляд на настенные часы, потом вновь посмотрел на меня:

– Ты мог... Впрочем, это уже несущественно. Хорошо, будь по-твоему. Приведи ее.

Я встал и открыл дверь в гостиную. Эми Деново по-прежнему сидела в кресле у окна, а сверток покоился у нее на коленях. Я пригласил ее войти.

Вулф крайне редко привстает, когда кто-нибудь входит в кабинет, и никогда, если входит женщина. В присутствии женщины его физиономия всегда сохраняет одно и то же непередаваемое выражение – он словно собирает в кулак всю свою волю, чтобы не морщиться и не гримасничать. Поэтому я не рискнул сказать с уверенностью, заметил ли Вулф, что юбка летнего платья Эми Деново в коричневую полоску на самом деле не мини, а всего на пару дюймов выше ее колен. Естественно, не заметил он и того, что колени девушки заслуживают внимания, поскольку это не имело никакого отношения к ней в качестве возможного клиента. Сиденье красного кожаного кресла, расположенного напротив стола Вулфа, было слишком глубоким для Эми, поэтому она примостилась на самом краешке, держа сверток на коленях, а сумку положив на маленький приставной столик слева.

Вулф впери в Эми Деново изучающий взгляд, а затем, вцепившись пальцами в подлокотники своего кресла, произнес:

– Итак, мистер Гудвин поразил вас с первого взгляда.

Глаза Эми, устремленные на Вулфа, несколько расширились.

– Да, это так.

– Что ж, мистеру Гудвину не впервой производить благоприятное впечатление на женщину. Он изложил мне содержание вашего вчерашнего разговора. Он также сказал, что сейчас вы располагаете двадцатью тысячами долларов, полученных, по вашим словам, вполне законным путем, и что вы предлагаете мне эти деньги в качестве аванса за определенную работу. Правильно?

– Да, – кивнула Эми Деново. – При условии, что эту работу будет выполнять мистер Гудвин.

– Мистер Гудвин выполнит свою часть работы под моим руководством, за исключением ситуаций, требующих применения безотлагательных мер. Деньги находятся в этом свертке? Вы позволите мне взглянуть на них?

Эми Деново встала и протянула сверток Вулфу, потом вернулась на место. Вулф аккуратно снял резинку, развернул газету, поочередно рассмотрел каждую стопку купюр и разложил их перед собой, все двадцать. Потом повернулся ко мне:

– Я не заметил ничего, что указывало бы на происхождение этих денег. А ты?

Я сказал, что тоже не заметил.

– Вы получили деньги от мисс Роуэн? – спросил он Эми Деново.

– Нет!

– Но кто-то все-таки дал их вам, это очевидно. В свете того, что вы вчера сообщили мистеру Гудвину, я хочу знать, откуда у вас деньги. Итак, где и как вы их раздобыли?

Она плотно сжала губы, потом разлепила их и сказала:

– Я не понимаю, почему должна объяснять вам это. В том, как я получила деньги, нет ничего предосудительного. Это мои деньги. Если я пойду в магазин и предъявлю любую из этих бумажек для оплаты покупки, никто не спросит, откуда у меня деньги.

Вулф потряс головой:

– Это неубедительно, мисс Деново. Вчера вы сказали мистеру Гудвину, что, кроме двух тысяч в банке, у вас за душой нет ни гроша, и отвергли предложение мистера Гудвина обратиться за помощью к мисс Роуэн. – Он похлопал по стопкам банкнот. – Здесь ровно в десять раз больше, чем две тысячи. Если деньги вам дали займы или подарили, я хочу знать – кто. Если вы что-то продали, я хочу знать – что именно и кому. Вы еще слишком молоды и не понимаете, что я вынужден принять самые простые меры предосторожности. Взять столь значительную

сумму в качестве задатка для выполнения весьма сложной и запутанной миссии и не знать при этом происхождения денег просто безрассудно, поэтому если вы отказываетесь выполнить мою просьбу, то я не могу принять от вас деньги. Если же вы все расскажете, то я должен еще удостовериться в истинности ваших слов. Судить об этом предоставьте мне самому.

Эми Деново снова нахмурилась, не глядя при этом ни на Вулфа, ни на меня; она явно задумалась над тем, что делать. Впрочем, думала она недолго.

– Он прав, мистер Гудвин? – обратилась она ко мне. – Или он тоже умывает руки, как и вы?

– Нет, – ответил я. – Боюсь, он прав. Это и в самом деле лишь обычные меры предосторожности. В конце концов, если деньги принадлежат вам по закону, как вы сказали мне, и если в том, как вы их получили, и впрямь нет ничего предосудительного, как вы сказали ему, то почему бы вам не выложить все начистоту? Вряд ли это бóльшая тайна, чем та, которой вы уже с нами поделились.

Эми Деново посмотрела на Вулфа, потом перевела взгляд на меня.

– Вам бы я сказала, – призналась она.

– Хорошо, скажите мне, а мы сделаем вид, что его здесь нет.

– Да, пожалуйста, я просто дурью маюсь, – вздохнула она. – Вам уже столько известно, что я, конечно, могу рассказать и все остальное. Это деньги от моего отца. Не только эти, а гораздо больше.

Мои брови взлетели вверх.

– Значит, вчера вы мне наврали. Вчера вы сказали, что отца у вас не было и что вы его никогда не видели и даже не знаете, кто он такой. А две тысячи...

– Я знаю. Все это правда, отца у меня и вправду никогда не было. А случилось вот что. Когда мама умерла, я, естественно, поехала в Нью-Йорк, но мне нужно было вернуться назад, чтобы сдать выпускные экзамены, да и потом мама оставила мистеру Торну завещательное распоряжение насчет кремации – она настаивала именно на кремации, – и мистер Торн взял все хлопоты на себя. Потом, когда после экзаменов я снова прилетела в Нью-Йорк, он пришел...

– Мистер Торн?

– Да. Он пришел...

– А кто он такой?

– Телевизионный продюсер, с которым работала мама. Он пришел ко мне домой и принес всякие бумаги, счета, письма и другие вещи, которые хранились у мамы в столе на работе. И еще одну коробку – запертую металлическую коробку, к которой была приклеена этикетка с надписью: «Собственность Эми Деново». И ключ с биркой, помеченной: «Ключ к коробке Эми Деново». Он хранился...

– Вашу маму звали Эми?

– Нет, ее звали Элинора. Ключ хранился в запертом ящике маминого стола на работе. Коробка была в сейфе. Очень давно – лет пятнадцать, так сказал мистер Торн. Коробка примерно такая. – Эми Деново развела руки в стороны дюймов на шестнадцать. – Я не стала открывать ее при мистере Торне и очень рада, что не открыла. Там лежали деньги, сто долларовые бумажки, – коробка была заполнена почти наполовину – и запечатанный конверт, адресованный мне. Я вскрыла конверт и нашла в нем письмо от мамы, небольшое – всего одна страничка. Вы хотите знать его содержание?

– Конечно. Письмо у вас с собой?

– Нет, оно дома, но я помню его наизусть. Оно написано на мамином бланке. Дата не проставлена. Вот что в нем написано:

Милая Эми!

Эти деньги от твоего отца. В последний раз я общалась с ним за четыре месяца до твоего рождения, но через две недели после твоего появления на свет я получила по почте

банковский чек на тысячу долларов и с тех пор получала такой чек ежемесячно, так что общая сумма составляет сейчас ровно сто тысяч долларов. Не знаю, какова она будет, когда ты прочтешь это письмо. Я не просила у него денег, и они не нужны мне. Ты моя дочь, и я сама способна прокормить и одеть тебя, а также предоставить тебе крышу над головой. И еще, конечно, дать тебе приличное образование. Но эти деньги прислал твой отец, так что они принадлежат тебе по праву. Я могла бы положить их в банк, чтобы получать проценты, но тогда придется платить налоги и так далее, так что я решила поступить по-своему.

Твоя мама.

И она подписалась: «Элинор Деново», хотя, повторяю, я не думаю, что Деново – ее настоящая фамилия. Деньги, должно быть, поступали до самой ее кончины, поскольку всего в коробке было двести шестьдесят четыре тысячи долларов. Конечно, я не могу поместить их в банк, ведь мне пришлось бы объяснять, откуда я их получила. Это так, да?

Я бросил взгляд на Вулфа. Он смотрел не на меня и даже не на Эми Деново, а на стопки банкнот на столе. Кто-нибудь другой на его месте решил бы, что жизнь порой выкидывает удивительные фортели, а он же почти наверняка высчитывал, сколько недоплатил дочери беглый отец, который так дешево отделался.

Я обратился к Вулфу:

– Итак, это не заем и не подарок. Она ничего не продала, так что мы вправе исходить из того, что деньги принадлежат ей по закону. Конечно, налоговая служба была бы рада наложить свою лапу на часть данной суммы, но это уже не наша забота. Что еще мне узнать у нее?

Вулф хмыкнул и повернулся к Эми Деново:

– Деньги все еще лежат в коробке?

– Да, кроме этих. – Она указала на стол. – А коробка у меня дома на Восемьдесят второй улице. И письмо тоже. Но я не хочу... Мистер Гудвин говорил про налоговую службу.

– Мы не правительственные агенты, мисс Деново, и не должны раскрывать сведения, которые получили конфиденциально. – Вулф повернул голову и посмотрел на настенные часы. – До обеда осталось десять минут. Может мистер Гудвин прийти к вам завтра в десять утра?

– Да, по субботам я не хожу к мисс Роуэн.

– Тогда ждите его в десять. Он должен посмотреть на коробку с ее содержимым, на письмо, а также выслушает все, что вы сочтете нужным ему рассказать. То, что вы рассказали мистеру Гудвину вчера, можно рассматривать только как пролог. – Он повернулся ко мне. – Арчи, выдай мисс Деново расписку на получение этих денег. Но не в качестве аванса – это подождет, пока ты не увидишь коробку с письмом и не убедишься в подлинности почерка. Только расписку в получении данной суммы, принадлежащей мисс Деново и оставленной у меня на хранение.

Я развернулся на стуле, вытащил пишущую машинку и потянулся к ящику за писчей бумагой и копиркой.

Глава 3

Мне, естественно, было любопытно взглянуть на квартиру Элино́р Дено́во. Похоже, нам могла понадобиться любая мелочь, способная пролить хоть какой-то свет на ее жизнь, а в квартире женщины таких мелочей сотни, хотя разглядеть их бывает непросто. Поэтому, прежде чем устроиться с Эми и моим блокнотом в гостиной, я попросил ее провести меня по квартире. Небольшая прихожая, довольно просторная гостиная, две спальни, ванная и маленькая кухня. Если в прихожей, кухне или ванной и таились какие-то важные для расследования мелочи, то я их не разглядел; в ванной, например, я не заметил ничего, что бы указывало на то, что ею когда-либо пользовался мужчина. Правда, Элино́р уже почти три месяца не было в живых.

Спальню Эми я не слишком разглядывал – в данном случае любые интересующие меня подробности я мог выяснить и у самой Эми. Она сказала, что в маминой спальне ничего менять не стала. Возможно, кому-нибудь другому, особенно Лили Роуэн, обстановка в спальне Элино́р Дено́во что-то и подсказала бы, я же вынес лишь то, что покойная пользовалась тремя видами духов, причем все очень дорогие, и не слишком беспокоилась по поводу того, что на ковре возле двери в ванную темнело здоровенное пятно. На стенах висели пять картин, вернее, цветных репродукций с картин Джорджии О'Кифф, как сообщила Эми. Я взял себе на заметку, что надо выяснить, кто такая О'Кифф. Единственным предметом мебели с обивкой был диван с двумя подушками. А я видел диваны с дюжиной подушек. Четыре стула отличались друг от друга, и ни один из них не подходил к дивану. Зато книг было много, целых семь полок, причем настолько разных, как художественных, так и научно-популярных, что, просмотрев двадцать-тридцать названий, я бросил это занятие.

Что меня на самом деле заинтересовало, так это полное отсутствие фотографий. За исключением фото самой Эми в ее спальне, во всей квартире не было больше ни единого снимка ни кого-либо, ни чего-либо. В это трудно было поверить, но Эми сказала, что, насколько ей известно, их никогда не было и у нее нет ни одной маминой фотографии, даже маленькой. Меня это здорово обескуражило, поскольку нам не помешало бы знать, как выглядела при жизни Элино́р Дено́во. Не представляю даже, существует ли еще хотя бы одна женщина среднего возраста, способная вот так вот просто умереть, не оставив после себя ни одной своей фотографии.

Бумаг, писем, оплаченных счетов и прочей всячины было предостаточно, а вот дневника или чего-нибудь еще полезного найти не удалось. Конечно, если придется совсем туго, я попробую покопаться здесь еще разок или пошлю Сола Пензера. Впрочем, кое-каких успехов я все-таки добился: сравнил письмо из коробки с несколькими бумагами, написанными рукой Элино́р, – почерк совпал.

Когда я наконец устроился на диване с блокнотом, сев между Эми и металлической коробкой, время уже близилось к полудню. Сегодня Эми выглядела года на два моложе; волосы она не укладывала, так что при каждом ее движении они свободно колыхались. Я вытащил из наружного кармана пиджака сложенный листок бумаги.

– Вот расписка за подписью Ниро Вулфа, которую он велел вручить вам в том случае, если ваш рассказ о коробке с деньгами подтвердится, а он подтвердился. Так что отныне вы наш полноправный клиент. – Я вручил Эми расписку. – Теперь выслушайте предложение. Вчера за обедом мы обсуждали ваше дело. Вам чертовски повезло! Полка в шкафу не лучшее место для хранения четверти миллиона зеленых. Не думайте, что нас интересует только, хватит ли вам средств на тот случай, если работа затянется, нет – мы печемся еще и об интересах клиента, то есть о ваших. Поэтому мы делаем вам следующее предложение. Сегодня и завтра банки закрыты. Когда я уйду, то возьму коробку с собой и помещу в сейф, который стоит в кабинете

Ниро Вулфа. В понедельник утром я отнесу коробку в ваш банк, где мы с вами и встретимся. Какой у вас банк?

– «Континентал». Филиал на Восемьдесят шестой улице.

– Прекрасно. Филиал мистера Вулфа, как и мой, находится на Тридцать четвертой. Я заготовлю двенадцать банковских чеков на сумму двадцать тысяч долларов каждый, выписанных на ваше имя, а также захвачу с собой письма в двенадцать сберегательных банков в Нью-Йорке с просьбой от вашего имени открыть счет до востребования. Подписанные вами чеки мы приложим к письмам. Вы будете получать проценты, которые составят по тысяче долларов с каждого счета – забавное совпадение, не правда ли? Оставшиеся четыре тысячи вы положите на собственный счет в «Континентал».

Эми нахмурилась:

– Но... Как я объясню?..

– Вам не придется ничего объяснять. Если когда-либо ищейки из налогового управления проявят излишнее рвение и станут домогаться, откуда у вас деньги, то вы всегда легко докажете, что получили деньги в подарок от отца. Мистер Вулф уверен, что ничего у них не выйдет. Я тоже так считаю. Если вы положите деньги в сейфовую ячейку в банке и станете расходовать по двенадцать тысяч в год, то продержитесь двадцать лет. Если же последуете нашему совету, то каждый год будете получать по двенадцать тысяч, а общая сумма не изменится. Не говоря уже о том, что в любой момент вы сможете забрать деньги, чтобы купить себе скаковую лошадь или что-нибудь еще в этом роде.

Эми Деново улыбнулась:

– Я бы хотела немного обдумать ваше предложение. Это вовсе не значит, что я вам не верю, – напротив, я безгранично доверяю вам, а о своем решении сообщу до вашего ухода.

– Хорошо. Теперь вопрос: приходили ли по почте какие-нибудь чеки вашей матери после ее смерти? Либо домой, либо в офис?

– Сюда не приходили, а если бы их получали в офисе, то, думаю, мистер Торн сообщил бы мне об этом.

– Хорошо. Должен вам сказать, что кое-какие сдвиги уже произошли. Я больше не думаю, что ваше дело может занять целый год. Возможно, мы уложимся за неделю, а то и быстрее. Ваша мать в письме допустила одну ошибку. Если она и впрямь не хотела, чтобы вы узнали, кто ваш отец, а судя по всему, она пыталась избежать этого, то ей не следовало упоминать, что деньги приходили по почте в виде чеков. От чеков цепочка тянется к тому, кто их отправлял, да и деньги она, похоже, получала в банке, поскольку они все в сотенных купюрах. Десять сотен ежемесячно. Скорее всего, она получала их в собственном банке. В понедельник мы это выясним. – Я открыл блокнот. – Теперь я хочу задать вам несколько вопросов, в том числе очень личных.

На расспросы Эми у меня ушел целый час, так что я едва поспел домой к ланчу. Когда я вошел в дом, Вулф с укоризненным видом торчал в проеме двери, ведущей в столовую. Стоя там, он тем самым давал понять, что мне следовало позвонить и предупредить о своем возможном опоздании. Впрочем, поскольку опоздал я всего на три минуты, то не стал перед ним оправдываться, а просто спросил, не желает ли он взглянуть на содержимое коробки перед ланчем. Вулф отказался. Я отнес коробку в кабинет, поставил ее на стол, а потом присоединился к Вулфу в столовой. Сев на свое место, я заявил, что не хочу портить ему аппетит, но мисс Деново вняла нашему совету и в понедельник утром встретится со мной в банке, поэтому, если понадобится, с нее можно будет получить не только аванс.

Как правило, после ланча, но не после обеда мы пьем кофе в столовой, хотя порой, когда у меня имеются срочные сообщения, Вулф велит Фрицу подать кофе в кабинет. Спросив Вулфа, не желает ли он ознакомиться с содержимым коробки, я уже тем самым намекнул на то, что у меня есть срочное сообщение. Следовательно, выхода у него не было. Поэтому, покончив

с нарезанным кубиками арбузом, посыпанным сахарным песком и выдержанным в хересе в течение часа в холодильнике, мы перешли в кабинет, а Фриц принес кофе. Я открыл коробку, но Вулф едва удостоил ее взглядом и уселся. Я прошел к своему столу, развернулся на стуле и вынул из кармана блокнот.

– Я провел у нее почти три часа, – гордо заявил я. – Рассказать подробно?

– Нет. – Вулф налил себе кофе. – Только то, что представляет интерес.

– Тогда минут через десять вы сможете уткнуться в свою книгу, – заметил я. – Ну да ладно. Для простоты я буду называть мать и дочь Элино́р и Эми. И так, самое поразительное то, что я не обнаружил ни одной фотографии Элино́р. Нигде, даже на дне выдвижного ящика. Ни одной! Это исключительно важно, поэтому, пожалуйста, объясните мне, что сие означает.

Вулф издал какой-то звук, но его вряд ли можно было назвать даже хрюканьем.

– Значит, ты так ничего и не нашел? – спросил он, отхлебывая кофе.

– Практически ничего. Беда еще и в том, что Эми ровным счетом ничего не известно. Вряд ли на всем белом свете найдется другая такая девушка, которая в течение двадцати двух лет росла с матерью, но практически ничего не знает про нее. В одном, правда, Эми свято убеждена, во всяком случае, она сама так полагает: мать ненавидела ее, хотя и пыталась это скрыть. По ее словам, имя Эми означает «любимая». Элино́р, должно быть, сама не сознавала, какой это обернется насмешкой.

Я подошел к столу Вулфа, налил себе из кофейника полную чашку, вернулся на свое место и отпил пару глотков.

– Были ли у Элино́р близкие друзья – мужчины или женщины? – продолжил я. – Эми и этого не знает. Да, конечно, последние четыре года она проучилась в колледже и почти не бывала дома. Характер Элино́р? Осторожная, воспитанная и сдержанная. Больше Эми ничего добавить не в состоянии. Эми использовала также словечко «интроверт». По-моему, чересчур старомодное для выпускницы колледжа Смит.

Я перелистал несколько страничек.

– Элино́р хотя бы раз за двадцать лет должна была обмолвиться насчет своего детства или семьи, но Эми утверждает обратное. Она даже не подозревает, чем могла мать зарабатывать на жизнь, прежде чем устроилась в «Реймонд Торн продакшнз», где проработала до самой смерти. Эми не знает, чем именно занималась мать у Торна, но полагает, что должность у Элино́р была достаточно солидная.

Я перевернул страничку и отпил кофе.

– Вы не поверите, но Эми даже не знает, где появилась на свет. Думает, это могло случиться в клинике Маунт-Синай, в которой Элино́р лет десять назад лежала с аппендицитом. В любом случае это, вероятно, не сильно помогло бы, так как Элино́р определенно не желала, чтобы некоторые вещи стали известны кому бы то ни было. Эми родилась двенадцатого апреля тысяча девятьсот сорок пятого года. В этом она уверена. Лет пять назад ей пришлось в голову повидаться с врачом, который подписал ее свидетельство о рождении, но врач, оказывается, уже умер. И так, зачата она была примерно в середине июля тысяча девятьсот сорок четвертого, но Эми не знает, где жила мать в то время. Она помнит только, что, когда ей было три года, они с матерью жили в двухэтажном доме на Западной Девяносто второй улице. Когда ей исполнилось семь, они перебрались в более приличное место, на Западной Семьдесят восьмой улице, а шесть лет спустя перемахнули через Центральный парк в Ист-Сайд, где я и побывал сегодня утром.

Я опустошил чашку и решил, что с меня достаточно.

– Подробности обследования квартиры я, с вашего позволения, опускаю. Если вы не против, конечно. Как я уже говорил, меня поразило полное отсутствие фотографий. И ни малейших сведений в письмах и прочих бумагах – ни намек! Если скормить все бумаги компьютеру, он выдаст какую-нибудь реплику вроде: «Ну и что из этого?» или «Расскажи это своей

бабушке». Конечно, куда с большим удовольствием я нашел бы, скажем, газетную вырезку про какого-нибудь мужчину, но увы. Кстати, я уже упоминал, что у Эми нет ни одной фотографии своей матери? Придется нам самим откапывать где-нибудь. – Я закрыл блокнот и бросил его на стол. – Вопросы есть?

– Гррр!

– Согласен. Да, помнится еще, вчера вы спросили, не кажется ли мне, что Эми больше интересуют деньги, нежели гены. Не думает ли она, что у отца, который так вот запросто расшвыривает банковские чеки, мощно так набита, что в нее можно запустить лапу? Вчера я не ответил, сегодня мне тоже нечего добавить. Так вот, за три часа, проведенных в обществе Эми, я не узнал о ней ничего нового. Да и потом, так ли это для нас важно сейчас?

– Нет. – Вулф отставил чашку в сторону. – Надеюсь, в понедельник мы будем знать больше. Ты уезжаешь?

Я кивнул:

– Как вы знаете, меня ждали вчера вечером. – Я встал. – Коробку спрятать в сейф?

Вулф сказал, что сделает это сам. Я отдал ему ключ от коробки, сунул блокнот в выдвижной ящик стола, развернул и придвинул стул к столу, как делал всегда, и поднялся к себе в комнату, чтобы переодеться и собрать вещи. Потом позвонил Лили и сказал, что к обеду приеду.

Без четверти три я вышел из дому, добрался до гаража, вывел «херон» и поехал по Десятой авеню. На пересечении с Тридцать шестой улицей я свернул направо. Прямой путь к загородному дому Лили лежал через Сорок пятую улицу и далее по Вестсайдскому шоссе, но я не люблю, когда посторонние мысли занимают мой мозг, пока я нежусь у бассейна в имении Лили под щебетание птичек, аромат цветов и так далее. В субботу днем с парковкой на Восточной Сорок третьей улице проблем не было.

Войдя в здание «Газетт», я поднялся на лифте на двадцатый этаж. Я мог бы отправиться за сведениями в морг, но Лон Коэн наверняка знал о недавнем событии больше, чем сообщалось в «Газетт». Когда я вошел в его кабинет, через две двери от кабинета издателя, Лон разговаривал по одному из трех телефонов, так что я присел на стул возле дальнего угла стола и стал ждать окончания разговора.

Положив трубку, Лон развернулся ко мне и радостно поинтересовался:

– Как это тебе удалось сюда добраться? Я был уверен, что после того, как мы тебя обчистили в четверг, денег на такси у тебя уже не осталось.

Я ответил со свойственным мне остроумием, после чего, решив, что мы квиты, сказал, что, конечно, не стал бы беспокоить столь важную птицу по пустякам, но хотел бы знать подробности майского дела о наезде, когда погибла женщина по имени Элинор Деново. И не может ли он, Лон Коэн, звякнуть в архив и замолвить за меня словечко. Лон позвонил в архив и сделал то, чего я от него и ждал, – попросил, чтобы ему принесли нужную папку. Когда шесть минут спустя появился посыльный, Лон говорил по другому телефону, а я на всякий случай отодвинул стул на фут подальше от его стола. Посыльный вышел, оставив папку на столе, и я тут же взял ее.

В папке было всего четыре вырезки и три отпечатанные заметки. Для первой полосы материал сочли недостаточно броским, так что поместили его на третьей полосе «Газетт» в субботнем выпуске от двадцать седьмого мая. Мне сразу бросилось в глаза отсутствие фотографии Элинор Деново. Стало быть, даже «Газетт» не смогла разыскать ее. Я внимательнейшим образом просмотрел все материалы. Миссис Элинор Деново (ага, все-таки ее называли миссис!) в пятницу после полуночи оставила машину в своем гараже на Второй авеню, недалеко от пересечения с Восемьдесят третьей улицей, и сказала служителю, что машина понадобится ей на следующий день часов в двенадцать. Три минуты спустя, когда она переходила Восемьдесят третью улицу в середине квартала, направляясь, должно быть, к своему дому, расположенному на Восемьдесят второй улице, ее сбила машина – отбросила вперед и проехала по

ней двумя колесами. Случившееся видели четверо: мужчина, шедший по тротуару в восточном направлении футах в ста от места происшествия, мужчина и женщина, которые шли по тротуару на запад, в том же направлении, что и сбившая машина, примерно на таком же удалении, и, наконец, водитель такси, как раз свернувший на Восемьдесят третью улицу со Второй авеню. Все свидетели утверждали, что, сбив женщину, машина даже не замедлила хода, но во всем остальном их показания расходились. Таксист говорил, что за рулем сидела женщина и, кроме нее, в машине никого не было. Идущий на восток мужчина утверждал, что за рулем был мужчина, а парочке показалось, что спереди сидели двое мужчин. Таксист считал, но не утверждал, что наезд совершил «додж-коронет», мужчина показал, что это был «шевроле», а парочка описать машину не смогла. Цвет машины, по разным версиям, был темно-зеленый, темно-синий или черный. Вот и все, что удалось выжать из свидетелей. На самом деле совершившая наезд машина оказалась темно-серым «фордом» и числилась в розыске. Владелица «форда», миссис Дэвид А. Эрнст, проживающая в Скарсдейле, заявила о пропаже в десять вечера, когда не обнаружила машину там, где ее припарковала, – на Западной Одиннадцатой улице. В субботу днем полицейский нашел угнанный «форд» на Восточной Сто двадцать третьей улице, а к понедельнику криминалисты пришли к выводу, что именно этот автомобиль сбил Элино́р Дено́во.

Последняя заметка была опубликована в «Газетт» в четверг первого июня. Полиция так ничего и не добилась. Ни версий, ни улики, ни подозреваемых. По словам инспектора полиции, расследование проводилось самым тщательным образом, что почти наверняка было правдой, поскольку в полиции не скрывают особого отношения к наездам, после которых водитель удирает с места происшествия, и оставляют расследование лишь тогда, когда дело становится уже совершенно безнадежным.

Ничего нового узнать об Элино́р Дено́во мне не удалось, за исключением того, что она занимала пост вице-президента в фирме «Реймонд Торн продакшнз, инк.». Мисс Эми Деново расспрашивали, но ничего существенного не добились. По словам Реймонда Торна, миссис Деново внесла неоценимый вклад в искусство телестановок и ее смерть стала страшным ударом не только для компании, но и для всей телевизионной индустрии, а следовательно, и для всей страны. Мне показалось, что мистеру Торну не мешало бы на досуге разобраться, что же такое все-таки телевидение – искусство или индустрия.

Я положил папку на стол, дождался, когда Лон закончит разговор, и сказал:

– Премного благодарен. У меня один вопрос. Последняя вырезка датирована первым июня. Не знаешь ли ты, удалось выяснить что-нибудь об этом деле с тех пор?

Лон потянулся к аппарату, на сей раз к зеленому, нажал на кнопку, сказал несколько слов и стал ждать. Тем временем зазвонил соседний аппарат, который Лон просто отключил, нажав на другую кнопку. Пару минут спустя он произнес в трубку зеленого: «Да, конечно», после чего еще две минуты внимательно слушал не перебивая. Наконец он положил трубку и повернулся ко мне:

– Судя по всему, дело закрыто окончательно. Только один сотрудник полиции еще продолжает следить за ним. Но теперь, стало быть, этим занялся Ниро Вулф. Значит, это все-таки убийство, а не случайный наезд. Я не прошу, чтобы ты назвал имя убийцы, но надеюсь, что материальчик для первой полосы ты мне подкинешь.

– Господи, до чего же любопытный народ эти журналисты! – произнес я, вставая. – Я бы с радостью задержался и поболтал с тобой на эту тему, но только спешу поплавать в загородном бассейне, который расположен на живописной поляне в лесу Уэстчестера, и уже на двадцать часов опаздываю. Что касается наезда, то будь по-твоему: да, это и в самом деле убийство, а за рулем «форда» сидел тот самый гнусный негодяй, который вечером в четверг побил мои три туза четырьмя двойками. Надеюсь, его схватят и повесят.

Я повернулся и был таков.

Уже внизу, в вестибюле, я зашел в телефонную будку, набрал номер, который давно знал наизусть, назвал дежурному, спросил, на месте ли сержант Стеббинс, и вскоре в трубке прогромыхал знакомый голос:

– Стеббинс слушает. Что-нибудь случилось, Арчи?

Должно быть, он только что выиграл пари или получил повышение по службе. Он называл меня по имени в лучшем случае раз в два года. Порой он не удостаивал меня даже чести именоваться Гудвином, а обращался просто: «Послушай, ты!»

Я решил отплатить ему той же монетой:

– Ничего особенного, Пэрли, праздное любопытство. Однако, чтобы ответить на мой вопрос, тебе придется покопаться в картотеке. Ты, скорее всего, уже не помнишь, но почти три месяца назад на Восточной Восемьдесят третьей улице под колесами машины, водитель которой скрылся, погибла женщина по имени Элинор Деново...

– Я прекрасно это помню. Мы таких дел не забываем.

– Я знаю, просто решил поддеть тебя по привычке, чтобы не утратить формы. Кое-кто спросил меня, не напали ли вы на след. Вот я и хочу это выяснить. Есть сдвиги?

– А кто тебя спросил?

– Да мы с Ниро Вулфом точили лясы насчет разгула преступности и бездельников-полицейских, а он вдруг припомнил эту Элинор Деново. Сам знаешь, газеты он прочитывает от корки до корки. Я сказал, что вы, должно быть, уже поймали преступника, и вот теперь меня обуяло любопытство. Я, конечно, не прошу разглашать мне служебные тайны...

– Здесь нет никакой тайны. Мы так никого и не нашли. Но и не забываем.

– Отлично. Надеюсь, вы его поймаете.

Топая к своей машине, которую оставил на Сорок третьей улице, я подумал, что, к сожалению, так и не сумел разгрузить мозг и выбросить из головы посторонние мысли.

Глава 4

Вы, должно быть, думаете, что в понедельник без десяти десять утра, когда я сидел в такси, направлявшемся в центр города, с коробкой на сиденье рядом с собой, а во внутреннем кармане моего пиджака лежали конверты с письмами в двенадцать сберегательных банков, потому что никогда не таскаю с собой портфель, я ломал голову над тем, что мне предстояло делать дальше. Ничего подобного. Все мои мысли сосредоточились на эпизоде, случившемся часом раньше. Дело в том, что я не люблю, когда на меня орут, а особенно если орет Ниро Вулф.

Кроме того, я проспал всего шесть часов, то есть на целых два часа меньше своей нормы. Вернувшись после уик-энда домой за полночь, я решил, что уже поздно печатать двенадцать писем, поэтому завел будильник на семь утра. Когда он зазвонил, я приоткрыл один глаз, надеясь, что будильник провалится сквозь землю, но ничего не вышло. Шесть или семь минут спустя я уже выполз из постели. В 7:45 я сидел на кухне за маленьким столиком, за которым обычно завтракаю, и допивал апельсиновый сок, а Фриц подал мне запеченный окорок с кукурузными фриттерами. В 8:10 я уже был в кабинете и печатал на машинке. В 9:15 я, закончив последнее письмо, начал раскладывать письма по конвертам, когда в дверь позвонили. Я вышел в прихожую и посмотрел сквозь одностороннее прозрачное стекло во входной двери. На крыльце стоял крупный дородный мужчина, с большим красным круглым лицом, в широкополой фетровой шляпе. Хватило одной шляпы, чтобы узнать его. Инспектор Кремер из уголовной полиции был, должно быть, единственным человеком в Нью-Йорке, который носит такую шляпу в жаркий августовский день.

«Черт с ним! – подумал я. – Пусть себе звонит, пока не устанет. С другой стороны, пришел-то он, похоже, ко мне, поскольку прекрасно знает, что до одиннадцати Вулф не принимает». Пришлось открыть. Впустив Кремера, я вежливо поздоровался и добавил:

– Доброе утро и наилучшие пожелания, но я страшно занят и к тому же спешу.

– Я тоже, – буркнул он. – Решил вот на минутку заскочить по дороге на службу. Чего это тебе вздумалось звонить Стеббинсу насчет того дела о наезде?

– Господи, я ведь ему все объяснил!

– Знаю. И тебя с Вулфом я тоже знаю как облупленных. Так я и поверил, что вы просто лысы точили. Ну-ка выкладывай, что вы задумали?

– Лично я – ничего. Как, впрочем, и мистер Вулф. – Я кинул взгляд на наручные часы. – Я бы с радостью предложил вам зайти в кабинет и поболтать – вы знаете, как я люблю это занятие, – но у меня важная встреча. Ни мне, ни мистеру Вулфу не известно про этот случай ничего, кроме того, что было в газетах. Никто не обращался к нам по этому поводу. Наш единственный клиент – это девушка, которая не может найти своего отца и обратилась за помощью к нам. – Я снова выразительно посмотрел на часы. – Черт побери, жутко опаздываю!

И я принялся открывать дверь. Кремер хотел было что-то сказать, потом передумал, повернулся и спустился к ожидавшей его полицейской машине. К тому времени как он залез в нее, я уже вернулся в кабинет.

Время поджимало, но Кремер мог позвонить Вулфу во время моего отсутствия, а Вулф не знал, что я звонил Пэрли Стеббинсу. Беспокоить его в оранжерее дозволялось лишь в случае стихийного бедствия, но выхода у меня не было, поэтому я снял трубку внутреннего телефона, нажал на кнопку, и вскоре в мое ухо ворвался рык:

– Да?

– Это я, и я страшно спешу. Только что заходил Кремер – заскочил якобы по дороге на службу. Я не успел поставить вас в известность, что в субботу днем звонил Стеббинсу, и...

– Я занят! – проорал Вулф и бросил трубку.

«Должно быть, изловил клеща на любимом цветке или обнаружил гниль на ложной луковиче», – подумал я, но легче мне не стало, поскольку, как я вам уже говорил, я терпеть не могу, когда на меня орут. Ну и поделом ему – нагрянет Кремер, и уж тогда Вулф не отвертится.

Убрав письма во внутренний карман, я вспомнил, что должен еще позвонить Мортимеру М. Хотчкиссу, вице-президенту филиала «Континентал бэнк энд траст компани», расположенного на Тридцать четвертой улице. Это не заняло у меня много времени, ибо Хотчкисс всегда рад услужить клиенту – Вулфу, конечно, а не мне, – вклад которого исчислялся пятизначными числами, а порой даже и шестизначными. Покончив с этим делом, я вынул из сейфа коробку с деньгами и вышел из дому.

В отделении банка на Восемьдесят шестой улице я убедился, что Хотчкисс слов на ветер не бросает. Не успел я сделать и шести шагов, как сидевший за столом клерк встал и вежливо осведомился, не я ли мистер Гудвин, потом провел меня за перегородку и сопровождал по коридору до одной из дверей. Он распахнул дверь передо мной, и я увидел Эми Деново, примостившуюся на стуле перед большим столом со стеклянной столешницей, за которым сидел банкир средних лет с сияющей лысиной и в очках без оправы. Он поднял на меня глаза, близоруко прищурился, встал, протянул руку и сказал, что страшно рад меня видеть. Еще бы он был не рад – все-таки меня рекомендовал сам вице-президент Хотчкисс. Я поинтересовался, имею ли удовольствие видеть мистера Этвуда, и, получив утвердительный ответ, поставил на стол коробку, вынул из кармана ключ и открыл ее, после чего подсел к столу. Этвуд уже тоже начал присаживаться, но тут же выпрямился и заглянул в коробку. Да, ее содержимое стоило такого пристального внимания – даже со стороны банкира.

– Это собственность мисс Деново, – пояснил я. – Надеюсь, мистер Хотчкисс поставил вас в известность, что я работаю на Ниро Вулфа. Мисс Деново прибегла к услугам Ниро Вулфа, так что я представляю здесь ее интересы. Всего в этой коробке двести сорок четыре тысячи долларов в стодолларовых купюрах. Мисс Деново хотела бы получить двенадцать именных банковских чеков на двадцать тысяч каждый, а оставшиеся четыре тысячи зачислить на свой счет.

– Да, конечно, – неуверенно пробормотал Этвуд, посмотрел на Эми Деново, потом перевел взгляд на меня. – Это... Дело в том... Если хотите... На это потребуется время, вы понимаете... Пересчитать деньги, выписать чек...

– Да, я понимаю, – великодушно кивнул я. – Кстати, если вы не слишком заняты, мы бы хотели обсудить с вами еще кое-что.

– Конечно... С радостью, мистер Гудвин.

Его рука скользнула было к телефону, но потом он, видимо, передумал. Закрыв коробку, взял ее под мышку, сказал, что скоро вернется, и вышел.

– Что он собирается сделать? – спросила Эми, едва только за Этвудом закрылась дверь.

– Выполнить свой долг, – ответил я. – Девиз их банка: «МЫ ТОТ БАНК, НА КОТОРЫЙ ВЫ МОЖЕТЕ ПОЛОЖИТЬСЯ!» Вы уже трижды клали ногу на ногу и меняли ноги. Расслабьтесь.

«Скоро» в разных случаях может означать нечто совершенно несопоставимое. Я прикинул, что Этвуд вернется минут через пять, а на самом деле прошло целых двенадцать минут, когда наконец дверь открылась. Этвуд вошел, прошагал к столу и сел. Он посмотрел на меня, потом на Эми и снова перевел взгляд на меня, словно пытаюсь определить, кто именно из нас наиболее достоин чести положиться на его банк.

– Вам придется немного подождать, – произнес он. – А что вы хотели обсудить?

– Я прекрасно понимаю, что банк обязан соблюдать осторожность при разглашении каких бы то ни было сведений, но в данном случае я представляю интересы мисс Деново. У ее матери в вашем банке был счет в течение девяти лет. Естественно, что, увидев содержимое

коробки, вы беспокоились по поводу происхождения этих денег, что вполне объяснимо. Так вот, мы считаем, что их большая часть поступила из вашего банка.

Этвуд уставился на меня с отвисшей челюстью. Банкир никогда не должен терять самообладания, но Этвуд явно растерялся. Он судорожно сглотнул, закрыл рот, потом снова открыл:

– Объясните, пожалуйста, свои слова, мистер Гудвин.

– Охотно. Каждый месяц в течение двадцати двух лет миссис Элино́р Дено́во предъявляла к оплате чек на тысячу долларов. Выплату по ее просьбе всегда производили в стадолларовых банкнотах. Все они сейчас находятся в этой коробке. Миссис Деново не потратила из них ни единого доллара. Судя по выражению вашего лица, вы опасаетесь, не связано ли это с какой-нибудь зловещей историей, с шантажом например. Так вот, заверяю вас: здесь все абсолютно чисто. Наше же дело заключается вот в чем: мы предположили, что в течение последних девяти лет миссис Деново получала деньги по чекам в вашем банке, и мисс Деново, ее дочь, хочет знать, какой именно банк выписывал чеки. Кроме того, она хотела бы знать, как именно выписаны чеки – на имя Элино́р Дено́во или на предъявителя.

Взгляд Этвуда переметнулся на Эми, словно банкир хотел спросить ее о чем-то, потом вернулся ко мне. Лицо Этвуда уже несколько разгладилось, хотя его голос звучал еще несколько напряженно:

– Вы сами сказали, мистер Гудвин, что банки должны соблюдать осторожность при разглашении любых сведений, особенно когда речь идет о клиентах. Это и впрямь так.

– Естественно. Я считаю, что это очень разумно.

– Тем не менее, поскольку речь идет о мисс Деново, а также о ее матери, я готов сделать исключение. И мне не нужно даже наводить где-то справки, чтобы ответить на ваши вопросы. Поскольку вы человек широко и разнообразно информированный, то наверняка знаете, что банковский служащий должен быть в курсе, как бы сказать, привычек клиентов. Я в течение нескольких лет знал об этих чеках, которые обналачивала миссис Деново. Да, она делала это каждый месяц. Выписывал банк «Сиборд бэнк энд траст компани», главный офис которого расположен на Брод-стрит. Чеки всегда были на предъявителя. – Он посмотрел на Эми, потом снова перевел взгляд на меня и продолжил: – Хочу еще добавить, мистер Гудвин, что очень вам признателен. Понимаете, когда приходит клиент и приносит четверть миллиона наличными, любой банкир, как бы сказать, проявляет любопытство... Вы понимаете, да? Поэтому я очень рад, что вы рассказали мне... В общем, я вам очень признателен. И вам, мисс Деново. – Он с облегчением улыбнулся. – Вот и все, что я хотел вам сказать.

– А нам больше ничего и не нужно.

– Очень хорошо. – Этвуд поднялся. – Сейчас проверю, как там у них дела.

Когда дверь за ним закрылась, Эми начала было говорить, но я жестом остановил ее. Во всех пяти районах Нью-Йорка было, должно быть, не меньше десяти тысяч помещений, которые прослушивались. Кто знает, возможно, кабинет банкира Этвуда тоже входил в их число, так что обсуждать в нем сокровенную тайну клиента, хранившуюся годами, было бы неразумно. Однако, поскольку просто сидеть и смотреть на Эми было неучтиво, я встал, подошел к книжной полке и начал рассматривать корешки. Мое внимание привлек «Международный банковский справочник». Я снял его с полки, раскрыл на разделе «Нью-Йорк» и нашел нужную страницу.

Шансов на то, что среди управляющих банком «Сиборд бэнк энд траст компани» окажется кто-то хорошо нам знакомый, было не больше одного из миллиона, так что, прочитав в алфавитном списке совета директоров имя Эйвери Баллу, я не сумел сдержаться и воскликнул «черт побери!» так громко, что Эми встревоженно вскинула голову и повернулась ко мне:

– Что случилось?

Я ответил, что ничего, мне просто очень повезло и я расскажу об этом позже.

Остальные поручения в банке были обычным делом, и в одиннадцать часов мы уже сидели с Эми за столиком в аптеке на Мэдисон-авеню. Эми заказала чашку кофе, а я стакан молока. Все двенадцать конвертов я бросил в почтовый ящик, а пустая коробка стояла возле меня на соседнем стуле. Я уже успел объяснить Эми, почему не позволил ей заговорить в банке и чем было вызвано мое восклицание. Я, правда, не назвал ей имени Баллу, но предложил поспорить на пятерку, что мы разыщем ее отца в течение трех дней, но Эми отказалась, объяснив это тем, что для нее такие условия неприемлемы. В 11:10 я отлучился позвонить, набрал до боли знакомый номер и восемь звонков спустя добился желаемого.

– Ну? – ворвался в ухо его голос.

Вулф прекрасно знал, что так говорят только невежи, но хотел бы я посмотреть на того, кто попробовал бы его переделать.

– Это я, – сказал я. – Мы сидим с клиентом в аптеке, перекусываем. Письма отправлены, а коробку она забирает домой в память об отце или о матери, точно не скажу. Теперь три вопроса. Первый, который я начал излагать вам утром, но вы не выслушали, наорав на меня. Поскольку может позвонить Кремер, вам все-таки надлежит знать, что в субботу днем я звонил Стеббинсу. Я сказал ему, что накануне мы с вами обсуждали разгул преступности и случайно припомнили историю о наезде, когда погибла Элинор Деново. Вот я и поинтересовался у Стеббинса, нет ли чего новенького в связи с этим делом. Стеббинс наябедничал Кремеру, а Кремер, естественно, решил, что, коль скоро мы этим заинтересовались, значит тут пахнет жареным. Я сказал, что, кроме того, о чем сообщалось в газетах, нам ничего не известно. Если он позвонит, вы...

– Пф! Что еще?

– Второй. В пятницу вечером вы сказали, что после банка я должен заехать к Реймонду Торну. Вы по-прежнему на этом настаиваете?

– Да.

– Тогда третий. В банке все прошло без сучка без задоринки. Чеки выписывал «Сиборд бэнк энд траст компани», третий по величине банк в городе. На предъявителя. Я заглянул в «Международный банковский справочник», нашел там «Сиборд бэнк энд траст компани» и наткнулся на одного нашего хорошего знакомого. Не стану называть его по телефону, только напомним: позапрошлой зимой в вашем кабинете сидел человек, который сказал следующее – цитирую: «Я никогда не проводил времени в розовой спальне»¹. Так вот, этот человек является членом совета директоров «Сиборд бэнк энд траст».

– Вот как? – (Последовало пятисекундное молчание.) – Приемлемо.

– Еще как! Такое только в сказках случается. Может, мне сперва заняться им, а Торна оставить на десерт?

– Нет. – (Вновь молчание.) – Я должен подумать.

– Хорошо. Только не стойте больше в прихожей во время ланча. Я могу опоздать.

Когда я вернулся к нашему столику, Эми потягивала уже третью чашку кофе. Увидев меня, девушка просияла:

– Я тут немного подумала, мистер Гудвин, и пришла к выводу, что вы просто чудо! Жаль, что... Словом, я хочу называть вас просто Арчи.

– Что ж, попробуйте, посмотрим, что из этого выйдет. Боюсь, мне это может понравиться. Поскольку вы сказали, что мать, словно в насмешку, назвала вас Эми, возможно, что вам подошло бы имя Араминта или Хефзиба. Впрочем, я не настаиваю, вы можете выбрать и что-нибудь другое.

– Да, я могла бы придумать имя поприятнее.

¹ Отсылка к роману Р. Стаута «Смерть содержанки». – *Здесь и далее примеч. перев.*

– Согласен. Теперь пора заняться делом. Мне нужно расспросить кое-каких людей, чьи имена вы вчера мне дали, о вашей матери, и начать я собираюсь с Реймонда Торна. Пожалуйста, позвоните ему и скажите, что посылаю меня к нему и надеюсь, что он нам поможет. Я не буду говорить, что меня интересуют только мужчины, с которыми ваша мать могла встречаться летом сорок четвертого года – тогда случилось знаменательное слияние генов, – чтобы никто не узнал и не заподозрил, что мы охотимся за вашим отцом. В связи с этим хочу сделать вам предложение, уже одобренное Ниро Вулфом. Надеюсь, вы с ним согласитесь.

– О, я согласна на все, что вы... – Она замолчала и сжала губы, потом улыбнулась. – Вы, должно быть, считаете меня дурочкой, да? Скажите, что я должна делать.

И я сказал.

Глава 5

Офис «Реймонд Торн продакшнз» размещался на шестом этаже одного из выросших за последнее время как грибы многоэтажных ульев из стекла и стали, расположенного на Мэдисон-авеню в районе Сороковых улиц. Судя по размерам помещений, мебели, убранству и улыбкам секретарш, телевизионное искусство, а может быть, и индустрия процветали. Правда, прежде чем проникнуть к Торну, мне пришлось прождать целых двадцать минут, хотя он сказал Эми по телефону, что его двери всегда открыты как для нее, так и для любого ее посланца.

Конечно, я даже в мыслях не рассматривал Торна как того человека, за которым мы охотимся. Элинон в своем письме Эми призналась, что в последний раз общалась с ее отцом за четыре месяца до рождения Эми, а никаких причин заподозрить Элинон во лжи у меня не было. Не могла же она и в самом деле общаться с отцом ребенка почти каждый день в течение двадцати лет и при этом ежемесячно получать от него банковский чек по почте! Верно, конечно, что сыщик должен всегда подозревать всех и вся, но в разумных пределах.

Торн и его кабинет хорошо подходили друг другу. И тот и другой были внушительных размеров и выглядели вполне современно. Торн крепко пожал мне руку, заверил, что готов сделать все от него зависящее, чтобы помочь Эми, предложил сесть, вернулся на свое место и заявил, что не имеет ни малейшего представления о цели моего визита, поскольку Эми ровным счетом ничего не объяснила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.